

Н. А. Хренов¹РОССИЯ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН: О. ШПЕНГЛЕР
О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Новая политическая ситуация всякий раз порождает и новую теоретическую рефлексию, со временем приобретающую форму клише, что становится очевидно по мере того, как в истории происходят дальнейшие сдвиги. Потому весьма полезно возвращаться к некоторым давно возникшим теоретическим концепциям, которые своевременно не были прочитаны и глубоко освоены, а теперь в связи с возрастающей непредсказуемостью событий способны предложить ключ к их осмыслению. Такой концепцией можно назвать опубликованный в 1918 году философский бестселлер Освальда Шпенглера «Закат Европы». Если первый том сочинения Шпенглера в России был своевременно издан и всесторонне изучен, а высказанные в нем идеи стали хрестоматийными, то о втором томе этого сказать нельзя. Во втором томе «Заката Европы» Шпенглер пытается понять не только взаимоотношения отдаленных во времени культур, но и ситуацию текущего момента, то есть первых десятилетий XX века. Определяющим событием этого периода был переход западной культуры к финальной стадии. Этот переход привел к радикальным изменениям и новым политическим расстановкам, которым в первом томе не было уделено внимания.

Талантливый комментатор проблематики второго тома «Заката Европы» — современный российский философ В. Цымбурский, использующий идеи Шпенглера как исходную точку для объяснения того, что произошло в истории XX века, — обращает внимание на значение «городской революции», обозначающей переход к стадии цивилизации. Для этой революции характерно столкновение реформационных и контрреформационных волн². Следствием городской революции как начала вхождения в фазу цивилизации является то, что в историю в качестве действующих сил наряду со знатью и духовенством включается новая необычайно активная сила, которая ранее о своей активности не заявляла. Эту силу, или «неупорядоченную массу», Шпенглер называет «несословием». Обнаруживая ее, Шпенглер отмечает ее решающую роль в последую-

щем развертывании истории. Активность «несословия» подготовлена ситуацией, возникшей в XIX веке в результате интенсивной урбанизации. Эта неупорядоченная масса, несословие, оказывается способна разрушить форму, которая, будучи достигнутой тем или иным народом в процессе длительной истории, придавала культуре стабильность, устойчивость и целостность. Однако активность неорганизованной массы объясняется не только возникшим на поздних этапах истории городским стилем жизни. Эту активность Шпенглер связывает еще и с либерализмом, точнее, с просчетами в действиях либералов, когда они приходят к власти.

Шпенглера нельзя назвать сочувствующим либерализму. От его взгляда не ускользает, что ошибки либералов во все эпохи, их неспособность организовать политическую и хозяйственную жизнь во многом являются причиной появления в переходных ситуациях такого феномена, как цезаризм: «цезаризм растет на почве демократии»³. Ведь, начиная революцию, либералы неспособны удержать ее в конституционных рамках, так что, начавшись как прогрессивное историческое явление, она трансформируется в кровавую катастрофу⁴.

Для Шпенглера парламентаризм — это переход к эпохе «великих одиночек посреди сделавшегося бесформенным мира»⁵. Революционные эпохи чреваты распадом культурных традиций. «Все учреждения, с какой бы тщательностью ни поддерживались они в правильном состоянии, начиная с этого момента не имеют ни смысла, ни веса. Значима лишь всецело персональная власть, которой в силу своих способностей пользуется Цезарь или кто угодно другой на его месте. Это возврат из мира завершенных форм к первобытности, к космически-внеисторическому. На место исторических эпох снова приходят биологические периоды»⁶.

Мысль Шпенглера представляется нам весьма пронищательной. Разве «оттепель» Серебряного века, как и сопровождавшая ее активность русского либерализма, движущегося к Февральской буржуазной революции, не предвосхищает взрыва 1917 года и активность неупорядоченной массы, за которой последует вспышка цезаризма в лице Сталина? Ведь именно ему пришлось выводить страну из смуты, возникшей в результате столкновения реформационных и контрреформационных сил. Именно ему удается, используя вы-

¹ Главный научный сотрудник Государственного института искусствознания Министерства культуры РФ, профессор кафедры эстетики, истории и теории культуры Всероссийского государственного университета кинематографии им. С. А. Герасимова, доктор философских наук. Автор более 700 научных публикаций, в т. ч. книг: «Мифология досуга», «Человек играющий» в русской культуре», «Кино: реабилитация архетипической реальности», «Зрелища в эпоху восстания масс», «Воля к сакральному», «Культура в эпоху социального хаоса», «Образы великого разрыва. Кино в контексте смены культурных циклов», «Социально-психологические аспекты взаимодействия искусства и публики», «Социальная психология искусства: переходная эпоха», «Избранные работы по культурологии. Культура и империя» и др. Ответственный редактор периодических выпусков сборника «Теория художественной культуры». Председатель Комиссии междисциплинарного изучения художественной деятельности при Научном совете РАН «История мировой культуры», член Союза кинематографистов России, член Союза театральных деятелей России.

² Цымбурский В. Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007. С. 139.

³ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории : в 2 т. М. : Мысль, 1998. Т. 2 : Всемирно-исторические перспективы. С. 495.

⁴ Эту мысль Шпенглера можно проиллюстрировать русской Февральской революцией, о чем справедливо писал А. И. Солженицын (см.: Хренов Н. А. Имперский комплекс России и его критики: А. И. Солженицын // Личность и творчество А. И. Солженицына в современном искусстве и литературе : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. столетию со дня рождения А. И. Солженицына, Москва, 15–17 марта 2017 г. М. : Гос. ин-т искусствознания : Русский путь, 2018. С. 134).

⁵ Шпенглер О. Указ. соч. С. 442.

⁶ Там же. С. 459–460.

ражение Цымбургского, «породить новую сакральную вертикаль и начать государственное созидание под ее знаком»¹. Но результатом этих усилий по поднятию «сакральной вертикали» становится неопределенность в понимании, что же мы получили в итоге: Реформацию (продолжение революции и ленинского курса) или же Контрреформацию — ведь Сталин глубоко зачерпнул из прошлого, из Средневековья, восстанавливая империю в ее византийском варианте.

Объясняя этот процесс, Шпенглер говорит уже не о «душах» разных культур, но о присутствии в каждой культуре двух противостоящих сил, двух душ или двух начал: начала существования и начала бодрствования. Эти начала предстают в истории в так называемых прасословиях — рыцарском и духовном. Их противостояние весьма важно для понимания морфологии любой культуры. Рыцарей отличает привязанность к земле, почве и месту происхождения. Это прасословие, отождествляемое со стихией существования, преследует лишь одну цель — жизнь ради жизни.

Чтобы продемонстрировать актуальность этих идей Шпенглера, процитируем суждение Бориса Межуева: «Финальные пассажи „Заката Европы“, написанные в преддверии кризиса капитализма начала 1930-х, сегодня звучат еще более актуально, когда, с одной стороны, всем и в самом деле „опротивела капиталистическая экономика“, а с другой — действительно „рассеялись грезы о возможности улучшить действительность“ с помощью Маркса. И, судя по всему, выход из тупика будет обнаружен именно в указанном Шпенглером направлении — в утверждении или, скажем осторожнее, попытке утверждения в ситуации экономического хаоса некоей новой глобальной власти, власти тех сил, которые сохранили в себе волю к жизни. Нельзя исключить, что эти силы представляют собой в том числе разнообразные осколки аристократических домов Европы, которые вполне могут возвести на „трон“ какого-нибудь „глобального императора“»².

Мысль Шпенглера оказалась важной для становления науки о культуре и развития методологии гуманитарных наук в XX веке. В нашей стране осознание негативных последствий административной системы, с помощью которой в России решались многие проблемы, также привело к оживлению в гуманитарной сфере и к возвращению к культурологической рефлексии. Становление науки о культуре в России возвращает к тем идеям, которые представляют историю культурологической рефлексии, и к таким мыслителям, как Шпенглер. Рецепция идей Шпенглера в России отличается от их восприятия в его родной стране и вообще в Западной Европе. Восприятие Шпенглера в России связано с тем, что здесь интеллектуальная сенсация и апокалиптический прогноз не заслоняют научного смысла, не потерявшего своей актуальности до сих пор и связанного с культурологической рефлексией,

с отказом от идеи линейной истории, формированием принципа циклизма.

Происходящий сегодня в России поворот к Востоку является реакцией на отторжение России Западом, всегда подозрительно относившимся к ее самостоятельности, и стран, находящихся в зависимости от цивилизации-лидера. Однако само по себе это не ново: поворот к Востоку происходил и в те времена, когда в России обсуждали только что вышедшую книгу Шпенглера, в которой тот сформулировал свое недоверие к европоцентризму. Именно тогда группа русских мыслителей, которых потом назовут евразийцами, уже прогнозировала будущий поворот России в сторону Востока. Но по сути евразийцы лишь демонстрировали то, что уже было в концепции Шпенглера. Эту близость евразийцев к Шпенглеру пронизательно фиксирует Б. Старостин, констатируя, что идеи Шпенглера близки не столько славянофилам, сколько евразийцам³.

Восточная стихия всегда присутствовала в России. Ее ощущал и Шпенглер, о чем свидетельствуют и некоторые его суждения. Он был далек от того, чтобы констатировать «прописку» России на Западе: «Одно только слово „Европа“ с возникшим под его влиянием комплексом представлений связало в нашем историческом сознании Россию с Западом в некое ничем не оправданное единство. Здесь в культуре воспитанных на книгах читателей голая абстракция привела к чудовищным фактическим последствиям. Олицетворенные в Петре Великом, они на целые столетия извратили историческую тенденцию примитивной народной массы, хотя русский инстинкт с враждебностью, воплощенной в Толстом, Аксакове и Достоевском, очень верно и глубоко отмежевывает „Европу“ от „матушки России“»⁴.

В какой-то степени расхождение России с Западом было следствием русской революции 1917 года, разорвавшей связь России с западным дискурсом, который отказывает в самобытности русской культуре. В эпоху большевизма Россия уже демонстрировала поворот в сторону Востока, хотя больше на уровне теории. Сегодня этот поворот приобретает практический и политический смысл. Странников евразийской идеи в России при советской власти было немного, но они все же были. В данном случае следовало бы вспомнить фразу Л. Гумилева, сказанную им в интервью 1992 года: «Знаю одно и скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава и только через евразийство»⁵.

Вопрос о самоидентификации в первых десятилетиях XX века по-прежнему оставался насущным для России. Актуальность философии Шпенглера объясняется актуальностью проблематики идентичности народов, в том числе русского, вступивших в очередную проблемную фазу мировой истории и вынужденных снова и снова ставить вопрос: «Кто мы?»

³ Старостин Б. Историсофия Шпенглера в наше время // Европейский альманах: История. Традиция. Культура. М., 1991. С. 57.

⁴ Шпенглер О. Указ. соч. С. 145.

⁵ Основы евразийства / ред. А. Г. Дугин. М.: Арктогея центр, 2002. С. 482.

¹ Цымбургский В. Л. Указ. соч. С. 140.

² Межуев Б. Политическая критика Вадима Цымбургского. М.: Европа, 2012. С. 167.